

Это была не совсем обычная Родительская суббота, а так называемые Большие родители, случающаяся, как известно, раз в году и предполагающая особое внимание и заботу о могилах предков. Поэтому мы решили навестить скромное сельское кладбище в прародительской деревне, где были похоронена наша бабушка, ее отец и братья. До деревни было не близко, потому навещали ее весьма редко, а некоторые из нас на том дальнем погосте никогда и не бывали. То есть в деревне то бывали, и не раз — при жизни бабушки, еще детьми. Но кладбище в ту пору посещать не считали нужным, да и взрослые нас к тому не поуждали.

Когда еще были живы мать и старшая тетка и когда еще были у них силы — они ездили туда каждую Пасху, ухаживали за могилками. Детей, то есть нас, с собой не брали. Это все понималось как должное. Сколько прошло с тех пор лет или десятилетий — никто не считал. Дальнее кладбище никогда не вставало перед мысленным взором потомков немим укором в забвении прародины — насущных проблем хватало...

Был конец октября, небо хмурилось пепельно-серыми облаками. Только сосны светло-зеленой и ели темной своей хвоей раскрашивали пейзаж.

Кладбище, как и все небольшие сельские погосты, выглядело маленькой рощицей, в основном березовой. Было немного боязно — в каком состоянии находятся последние приюты прародителей? Кто за ними ухаживал все это время? Найдём ли их, вообще, или там только расплывшиеся земляные холмики, безымянные и заброшенные? Есть же и такие, и не на сельских, а на городских, посещаемых кладбищах? Недаром сказано, что уровень культуры общества можно оценить по двум критериям — состоянию кладбищ и клозетов! Почему кому-то

взбрело в голову соединять в одной оценке столь далекие по сути места, непонятно, ну да ладно.

Пока добирались до своих участков, тревога сменилась успокоением — кладбище выглядело так, будто его посещали по всем религиозным праздникам, а, кроме того, еще и по воскресеньям. Аккуратно покрашенные оградки, фотографии и надписи на памятниках, ухоженные надгробия и шелест березовых ветвей. Воздух осени — запах прелых листьев и неприхотливых цветов. Заброшенных могил не было, а на памятниках и крестах виднелись такие знакомые фамилии — Зябкины, Селезневы, Остроглазовы... полдеревни родственников! Вот бабушкина могила, а рядом с ней, в просторной ограде — трое ее братьев. А вот совсем уже история — прапрадед Антоний, тот самый, что воевал на Шипке и привез оттуда жену — болгарку, нашу прапрабабушку.

А муж старшей тетки тоже здесь похоронен? Нет, он далеко, в другом городе, другой области... Так и мать лежит не здесь, и отец... Разъезжались, разлетались из родного гнезда дети, да так и приживались на новых местах, там и в землю легли... Вот и это кладбище совсем небольшое. Но все же кто-то да оставался в родной деревне! Кого-то хоронили и здесь...

Тем временем все чаще слышался с дороги шум моторов, все больше людей копошилось за оградками, приводя в порядок могилы и поминая родителей. А вот и со стороны деревни идут двое — да это же подруга нашей тетки с младшей дочерью! Здесь у нее не только родители, но и двое внуков — подростков, утонувших в одночасье в местном озере. Поехали с дедом на покос, никак закупаться не могли. Забрал водяной. Невысокая, сухощавая, немногословная Валентина прибрала с дочкой могилки, поцеловала фотографию внуков — вместе были сняты, одному восемнадцать, другому двенадцать лет...

— А мы вас ждали, ждали! Ну, поехали, у нас там все приготовлено.

И поехали мы в родительскую деревню, такую памятную по детским годам. Это же сюда мы шли в мой первый приезд — в школу еще не ходила — со станции, на край света, за семь километров, пешком, через поля и овраги, и рожь на тех полях ходила волнами под ветром. И на полдороги делали привал, потому что сразу на край света не дойти, ноги отвалятся! Мы с братом просили пить, а ветер приглаживал рожь на поле и отцовы светлые волосы — «ежиком». А брат, чтобы подразнить меня, по секрету сказал, что мы будем ночевать у бабушки и спать на «пирожках».

— А как это? — приставала я.

— Увидишь, — загадочно улыбался брат.

«Пирожками» оказалась болотная трава аир. Если ее расщепить по длине и попробовать сердцевину — пирожки, не пирожки, но сладко.

Охапки ее были брошены прямо на чисто выметенный пол бабушкиной хатки, а сверху прикрыты домоткаными половиками. Солнце село, и стало темным-темно и тихо, как никогда не бывает в городе, и немного боязно. А утром солнышко заглянуло в хату и высветило ярко-красные помидоры на большом плакате, прилепленном на мазаной глиной стене: «Гидропонике дорогу — плодоносит круглый год наш чудесный огород!». Взрослые читали и смеялись, и стало интересно и весело. Запомнился этот ночлег, как и поход на край света, на всю жизнь. Даже не сознанием запомнился, как и все на заре жизни, а ощущением, чувством — громадности расстояний, необозримости просторов, этих темных и светлых волн колышущейся под ветром ржи,— впервые впечатавшимся в душу чувством родины...

Нету бабушкиной хаты — продана на снос, и на том месте построен совсем другой дом, и живут в нем совсем другие люди, не родственники, а приезжие. А место узнали сразу. Въезжали мимо бабушкина двора от моста через речку, по проулку на дорогу — вот здесь был плетень, и мы мимо него столько раз сбегали вниз, на луг, к реке. Вот она, речка, а моста этого не было, мост был дальше, или это мы бежали в другую сторону, левее? А за речкой та самая березовая роща, которую насадили уже после войны, взамен сожженной фашистами, и в которую столько раз мы ходили за грибами. Светлая, просторная роща, с могучими деревьями — березы растут быстро, а может, это уже много лет прошло... А грибов в ней было — пропасть. Да каких! И белые, и подберезовики, и любимые подосиновики, такие густо-красные в сочной, зеленой траве, в разноцветье лесных, луговых цветов. Ой, помнит эта роща наши с сестрой кровожадные дикарские вопли в честь каждого найденного грибного экземпляра — была та грибная охота уже гораздо позже, не в детстве, а в юности. Эх, жаль, сейчас не лето, а поздняя осень!

— Ну, ничего, приедете на следующий год, в августе!

Проехали мимо бывшего бабушкина поместья на край деревни — дальше уже луга, если не считать самой крайней, брошенной, хаты. У двора Валентины прямо перед калиткой — колодец. Такой же «журавель», как и тот, через улицу против бабушкиной хаты. Из колодца так легко было доставать полное ведро, даже нам, детям,— знай, перехватывай выглаженную руками толстую жердину! А вода — ух, до чего свежа и сладка. Слаще только из родника. Валентина живет одна, но двор у нее — полная чаша. Свиньи, куры, гуси, сад, огород. За хатой — картофельная делянка соток на пятьдесят. Все в отменном порядке. В одни руки?! Да нет, дети, внуки помогают, у зятя — техника. Приедут, вспашут, посеют, посадят, соберут урожай. Остается только потихоньку пропалывать.

— Ну, пойдемте же в хату, холодно!

А в хате пахнет теплым кирпичом и старым деревом, потому что топится русская печь, и такие от нее волны уюта, покоя. Это не батарея — то ледяная, то горячая — не дотронуться. Печка живая, только что не дышит. Прислониться к ней — что к матери. Встать спиной к беленому боку, руками ощутить теплую шероховатость...

А на столе — обед по-русски, по-деревенски, когда гости. И свиная тушенка, и запеченная в духовке курятина, и котлеты домашние, и яичница на свойском сале, и рыба жареная, и яблочный пирог, не говоря уж о салатах и картошке, а ко всему же еще и домашняя наливка, и сами яблоки — урожайный выдался год. Среди всей снеди не с поместья — только рыба. Да когда кто из деревни уезжал голодным!

В тот давний приезд грибной охоты, как и бабушки и хаты ее, уже не было, — ну так что, соседи были, тоже Зябкины, значит родственники, а не родственники, так однофамильцы, да и какая разница! И бабушку, и всех ее детей и внуков в деревне знали поименно...

— Вы чьих будете? А, Анастасии Михайловны! Татьяны и Виктора дети? Ну, заходите, пообедаете, небось голодные, набегались!

Впервые тогда увидели, как вынимается хлеб из русской печи — а пекся он не на железном листе, а на капустных листьях, и вынимался деревянной хлебной лопатой. И на обратной стороне большого округлого каравая отпечатывался рисунок капустных прожилок, а на вкус этот хлеб был — словами не рассказать, его причаститься надо. С прогулки ли по роше, по другим ли причинам — но, видно, так мы нажились на этот хлеб, творог и сметану, в которой ложка стояла, что женщины смотрели на нас сердобольно, сочувственно и понимающе, кивая головами, — ну, ясно, разве в городе накормят! И потом, отъезжающим нам, на ходу впихнули в машину громадную ковригу хлеба — чтоб хоть по дороге не померли с голоду! Всю обратную дорогу обнимал нас могучий, жизнеутверждающий дух свежеиспеченного хлеба.

...И сейчас, перед тем как сесть в машину, окинули взглядом родительскую деревню — ну что такого в этом пейзаже? Таких деревень в округе на сто — девяносто девять. Одна длинная улица, вдоль нее — два порядка домов, внизу, через луг, параллельной линией — речка, за ней следующей параллелью — березовая роща. Надо всем — хмурое осеннее небо, сквозь облака скорее угадывается, чем просвечивает солнце. Ни тебе горных крутых склонов, ни лазурного морского побережья... Да и в нашей стороне бывают села куда как понарядней, и пейзажи поэффектней.

Родительская деревня...

Некоторые дома — заколочены, некоторые — перестроены почти в особняки. И на обратном пути мы все высматривали, много ли пустующих домов, и радовались, когда видели крепкие фасады, яблоневые ветки из-за заборов. А вот здорово — песочница с детскими игрушка-

ми! Пусть некоторые из дворов куплены горожанами под дачи, лишь бы не пустовала, лишь бы жила родительская деревня.

В школе еще, когда проходили Пушкина, никак не могла понять одну его мысль, выраженную столь торжественно, что ясно было — говорит человек о сокровенном:

*Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Все думалось — о чем пишет великий поэт? Понятно — любовь к родителям, любовь к родному дому... Но пепелище? Гробы? Ну, хоть убей!

Теперь понимаю.